

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПОЛИТИКИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

.....

Н.А. Баранов¹

Переход от традиционного общества, где господствовали сакральные отношения к власти, традиции, обычаи, религия, к современному обществу, основанному на внедрении нововведений во всех областях общественной жизни, рыночной экономике, рациональном восприятии окружающего мира, демократических политических институтах, носит название модернизационного процесса. Современность XXI в. отличается от века предыдущего прежде всего вектором развития, именуемым инновационным и связанным с передовыми технологиями и формированием информационного общества.

Ряд исследователей акцентируют свое внимание на влиянии современности на развитие всех сфер жизнедеятельности общества. Недаром современное общество З. Бауман называет «обществом текучей современности» [3, с. 30]. Причем современным его делает «навязчивая, непрерывная, непреодолимая, вечно незаконченная модернизация» [3, с. 35]. Английский мыслитель связывает современное развитие с неуклонным продвижением вперед, с неспособностью останавливаться и тем более стоять на месте.

Все эти перемены находят свое отражение и в политической жизни, которая в каждой стране своеобразно отвечает на вызовы современности, исходя из социокультурных особенностей. На этом пути, как правило, происходит приспособление новых или старых социально-политических институтов и практик к изменяющимся условиям.

Некоторые российские исследователи рассматривают инновационное развитие России в качестве национальной идеи. Так Э. Паин полагает, что жизненной необходимостью обусловлено сбережение населения, сохранение целостности страны и роста ее социального и интеллектуального капитала как

¹ Баранов Николай Алексеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова. Эл. почта: nicbar@mail.ru

основы конкурентоспособности России в мире. «Иными словами, – пишет российский ученый, – речь идет о переходе от экстенсивной модернизации к интенсивному типу развития. А с этим переходом, в свою очередь, связано неизбежное уменьшение роли персоналистских режимов» [15].

Российская политическая элита откликнулась на определившийся тренд разработкой инновационной стратегии, предполагающей отказ от парадигмы догоняющего развития. Поиск новых резервов, связанных с переходом на новую, инновационную модель развития, заставил власть обратиться к пока еще мало востребованному потенциалу российского общества, реализация которого находится в прямой зависимости от решения социальных проблем, остающихся одним из основных препятствий для инновационной политики.

Ставка на реализацию человеческого потенциала не может быть осуществлена без большей открытости власти и общества, без активизации населения, без эффективного управления, без широких прав и свобод граждан. В то же время намеченный курс не может быть реализован без демократической институционализации, что будет предполагать неизбежную смену авторитарных тенденций в политической практике и необходимость освоения российской бюрократией демократических методов управления. Такая стратегия может быть осуществлена только в условиях открытого общества, характеризующегося эффективной конкуренцией, высокой мобильностью, критическим типом мышления, плюрализмом, свободой частной собственности и выбора альтернатив.

В современной политике неуклонно повышается значимость социальной составляющей, так как существует очевидная связь между легитимностью власти и ее социально-экономической эффективностью, благосостоянием граждан. «Процесс наделения определенными социальными правами был одним из способов, при помощи которых новые элементы политического дискурса были вписаны в социальную жизнь для того, чтобы произвести новые элементы политического порядка», – утверждает Д. Дж. Рагги [22]. Социальная политика направлена на управление социальными процессами, суть которых заключается в согласовании интересов различных социальных групп и общностей, оптимизации процессов социальной дифференциации и интеграции, удовлетворении потребностей общества, социальном развитии. Г. Авцинова акцентирует внимание также на оптимизации жизнедеятельности всех сфер общества «с точки зрения ориентации их функционирования на человеческий потенциал, повышение благосостояния, социального благополучия людей» [1, с. 59].

Но социальная политика не ограничивается только системой мер по решению социальных проблем, она охватывает и взаимоотношения между социальными группами, властью и обществом.

Исследователи чаще всего отмечают две модели социальной политики: рыночную и социально ориентированную. В первом случае государство служит посредником между рынком и населением, поддерживая социальную сферу субсидиями, налоговыми льготами, страхованием, тем самым оказывая целенаправленную помощь социальным группам, которые не могут удовлетворить свои основные жизненные потребности. Во втором случае преобладает регулируемый рынок с мощной системой социальной поддержки. Государство в этой схеме выступает гарантом удовлетворения важнейших социальных потребностей общества, а рынок служит дополнительным средством обеспечения возрастающих потребностей граждан. Причем основным субъектом социальной политики в обеих моделях выступает государство, которое является также инструментом баланса в реализации социального, экономического и правового принципов с учетом общественных потребностей.

Государство, не поддерживающее надлежащим образом науку, образование, здравоохранение, не решающее своевременно демографические и социальные проблемы, не может называться демократическим. Активная социальная политика – обязательное условие успешного развития государства. Как отмечает В. Коваленко, «в современную эпоху демо-кратия не может восприниматься вне своих социальных измерений, равно как и вне контекста экономической эффективности, обусловленной параметрами соответствующих политических режимов» [8, с. 10]. Поэтому представляется важным введение такой характеристики демократии, которую Ч. Тилли называет потенциалом государства, или способностью государства проводить политические решения в жизнь. Потенциал государства, полагает американский ученый, определяет, в какой степени вмешательство государственных агентов в существующие негосударственные ресурсы, деятельность и межличностные связи изменяет их распределение, а также соотношение таких распределений [26, с. 32]. Высокий потенциал государства при демократическом режиме является средством решения социальных проблем и стабилизирующим фактором поступательного развития общества.

Опыт российских реформ-контрреформ и модернизации свидетельствует о том, что односторонняя либерализация без сильной социальной политики государства, без поддержки малообеспеченных слоев ведет к поляризации и расколу общества, за которыми следуют тяжелые и не слишком продуктивные контрреформы. Чтобы смягчить неизбежные колебания, грозящие серьезными внутренними и внешними конфликтами, необходимо выравнивать перекосы стихийно развивающихся рыночных отношений, осуществлять многоплановую и сбалансированную модернизацию общества.

И.К. Пантин утверждает, что «нищета – такой же серьезный враг социального прогресса и демократии, как и привилегированное богатство, что глубокое чувство самостоятельности и ответственности можно воспитать только

у свободных людей, которые, в свою очередь, единственно в состоянии обеспечить развитие современной экономики и современной политической системы» [16, с. 85]. Специфика России заключается в том, что люди могут жить в бедности и поддерживать политическую элиту, если у них сохраняется вера в дееспособность власти, в повышение уровня жизни общества. По выражению Д. Сартори, в данном случае речь идет о «позитивной политике», которой противостоит «негативная» или «негодная» политика, приводящая к всевозможным лишениям [23, с. 13].

Однако пассивность и терпение любой группы населения не беспредельны и могут привести к различным формам социального протеста как ответной реакции на неоправдавшиеся ожидания народа. Россия проходит именно такой период, когда политическая элита экзаменуется народом на способность эффективно управлять обществом. От способности власти проводить позитивную политику в значительной степени зависит будущее инновационного развития в современной России. Ошибки, допущенные российскими реформаторами в 1990-х гг., связанные с уходом государства из экономики и социальной сферы, образно охарактеризовал американский политолог Стивен Холмс, который сравнил российское общество со сломанными песочными часами: «верхи не эксплуатируют и не угнетают низы, даже не управляют ими – они их просто игнорируют» [29, с. 140].

Вполне естественны на данном фоне требования граждан о возвращении государства в те сферы, которые всегда были его прерогативой. Поэтому тот политик, который смог вписаться в свойственную гражданам страны модель восприятия государства, стал популярным и востребованным обществом. С В. Путиным связывается процесс усиления государства, повышения заботы о гражданах, т.е. те ценности, которые исторически были характерны для российского народа. Поэтому легитимность президентской власти в начале XXI в. достигла колоссальной величины, что позволяет В. Путину, а также избранному при его поддержке Д. Медведеву действовать более энергично при решении политических и социальных проблем.

Высокое доверие к политическому лидеру необходимо конвертировать в реализацию социально ориентированного курса, предполагающего развитие человеческого потенциала, качества жизни людей. В данном контексте можно согласиться с Б. Межуевым в том, что легитимной властью в России может быть только успешная власть [13]. Именно у такой успешной власти имеются реальные рычаги влияния на процесс демократизации в стране, который связан как со становлением демократических институтов, так и с трансформацией социальной сферы.

В общественном сознании россиян преобладает социальная составляющая демократии. Однако социальным государством сможет стать, только решив политические проблемы демократии. Поэтому социальная и политическая со-

ставляющая взаимозависимы и социально обусловлены. Решение о необходимости расширения социальной поддержки принимается государственной властью с учетом ее политической зависимости от общества. Такую зависимость власть приобретает лишь в условиях демократии. Анализируя современную российскую демократию, В. Петухов отмечает, что, по мнению населения, главная проблема российской демократии лежит в социально-экономической сфере, в трудностях для многих реализовать свои социальные и экономические права и интересы [21, с. 31].

В современных условиях решение социально значимых проблем остается приоритетным для общества. Реализация национальных социальных проектов играет важную политическую роль в развитии демократии, так как помогает каждому человеку определиться с жизненной стратегией и расширяет его возможности.

Спрос на социальные гарантии в последние годы быстро растет, о чем свидетельствует и ностальгия по советским временам, и смещение политических симпатий влево, и социальная риторика политических лидеров. Ссылаясь на социологические исследования, Г. Кертман утверждает, что основным критерием, используемым большинством россиян при оценке власти, служит «интенсивность и эффективность государственного патернализма» [7, с. 126]. Причем люди готовы пойти на ограничение своих прав в обмен на проведение патерналистской политики.

В то же время характерной чертой посткоммунистического реформирования России стало высвобождение частного и индивидуального после засилья гипертрофированного общего. Вполне очевидно, что данным потребностям отвечала либеральная политика, которая в свою очередь разрушила соотношение общего и частного по причине абсолютизации свободы индивида. С точки зрения Ю.А. Красина, великие идеи свободы и достоинства личности не работают, потому что оторваны от российской реальности, и заработают лишь в совокупности с другими не менее значимыми ценностями – социальной справедливостью, равенством и солидарностью [11, с. 13].

Вполне очевидно, что современное государство может быть сильным, только развивая рыночную экономику, поэтому можно согласиться с Ю. Коргунюком в том, что «левое общество – это расслабленное общество. Оно не способно ни на что, кроме как плыть по течению и проедать накопленные запасы» [9, с. 160]. Однако в современных условиях наблюдается не противостояние либеральных и социалистических тенденций, а их сближение, свидетельствующее о недостаточности традиционных либеральных представлений о правах и свободах человека и гражданина для эффективной защиты интересов людей. «Без торжества либеральных идей, – отмечает председатель Конституционного Суда России В. Зорькин, – не было бы государства и социального, и правового одновременно, т.е. государства, где социальные права граждан принадлежат

им от рождения, а не даруются им сверху, и их перечень не зависит от монаршей воли...» [5, с. 13].

Современная социальная политика в России обогащается либеральными компонентами. Так, развивается не только государственное, но и негосударственное медицинское, социальное, пенсионное страхование, осуществляется монетизация льгот. В стране функционируют коммерческие и благотворительные организации, дифференцируются источники финансирования социальных расходов, диверсифицируются виды и направления социальной политики, развивается плюрализм в социальной сфере, что предполагает свободу выбора. Однако, по мнению некоторых исследователей, неолиберализация социальной политики воспринимается большей частью общества негативно, так как не соответствует его представлениям о социальной справедливости [24, с. 337].

Практически все слои российского общества сегодня беспокоит чрезмерная социальная дифференциация, несущая угрозу российской демократии, причем эта обеспокоенность только растет: в 2004 г. – 30 %, в 2006 г. – 45 % [21, с. 126]. Проведенное в апреле-мае 2006 г. общероссийское социологическое исследование по проблемам социального неравенства в контексте социально-экономической дифференциации позволило ряду ученых, политиков, экспертов сделать вывод о том, что основной задачей социальной политики является «не материальная помощь беднейшим, а преодоление чрезмерных социальных неравенств, выравнивание сильно дифференцированных социальных шансов различных групп населения» [25, с. 218].

Современные исследователи утверждают, что существует корреляция между уровнем социального неравенства и политическим режимом. Так, при высоком уровне социального неравенства возникает потребность в авторитарных тенденциях, а при низком проявляется потребность в демократии.

Тем не менее все режимы, как считает Ч. Тилли, порождают неравенство, используя для этого три возможных способа: защищая преимущества своих основных сторонников, создавая собственные системы изъятия или вознаграждения ресурсами, перераспределяя ресурсы среди сегментов подвластного им населения [26, с. 144]. Преимущество демократии заключается в защите большего числа населения посредством различных механизмов в пользу менее защищенных слоев общества.

Ю.А. Красин называет три основных фактора влияния социального неравенства на политическую сферу: поляризация общества, в котором на одном полюсе концентрируется апатия и пассивность, а на другом – стремление монополизировать сферу принятия политических решений; маргинализация общества, создающая базу для политического экстремизма; культивирование в обществе атмосферы, подрывающей устои социальной справедливости и разрушающей нравственные основы демократии. По мнению российского учено-

го, нелимитированный рост социального неравенства противоречит демократии и способствует развитию авторитарных тенденций [10, с. 39–40]. Поэтому в демократических обществах осуществляется регулирование социального неравенства, удерживающее его в допустимых пределах и амортизирующее его негативные последствия.

С этой целью научным сообществом разрабатываются различные модели, вводятся понятия, позволяющие анализировать и эффективно решать социальные проблемы. Так, английский социолог Энтони Гидденс ввел понятие социальной исключенности, под которой понимается недоступность для людей не только материальных, но и культурных благ, а также социальных услуг. Практически человек оказывается исключенным из социальной среды по причине невозможности пользоваться благами, предоставляемыми обществом. Такая ситуация приводит к радикализации общества и имеет серьезные политические последствия.

Наряду с социальной исключенностью в западной политической мысли используется понятие «политическая бедность», которое трактуется как неспособность определенных групп граждан влиять на демократический процесс, в результате чего ни общество, ни государство не слышат их голос и не решают их проблемы. Пассивное поведение таких групп воспринимается как согласие с проводимой властью политикой. С точки зрения американского политолога Дж. Бохмана, порог политической бедности проходит по линии способности/неспособности той или иной общественной группы инициировать обсуждение проблем, затрагивающих ее интересы [10, с. 41].

Оба эти понятия актуальны для России, поскольку не все слои населения могут жить полноценной жизнью и участвовать в политическом процессе, что приводит к концентрации власти у политической элиты, а также у социально и политически привилегированных групп в ущерб остальным группам населения. Один из авторитетных социальных мыслителей и исследователей современного мира М. Кастельс предположил, что «социальная сегментация и социальная исключенность, скрыто присутствующие в логике глобальной экономики, могут развиваться в России и дальше, не встречая отпора» [6].

Такие тенденции формируют авторитарный запрос у общества. Высокий уровень социального неравенства приводит к преобладанию авторитарных требований, когда люди, разочаровавшись в навязываемых демократических ценностях, стремятся переложить ответственность на других, особенно на власть, что в конечном итоге заканчивается потребностью в подчинении.

Авторитарным тенденциям способствует и характер социального контракта, заключаемого гражданами с избираемой властью. Под социальным контрактом обычно понимается некий договор между властью и обществом в отношении перспектив дальнейшего развития страны и той политики, которую власть намерена проводить. Актуальность обращения к концепции

общественного договора в современных условиях экономического и социального развития обусловлена тем значением, которое эти концепции имеют для понимания смысла и роли таких фундаментальных социально-политических категорий, как права человека, гражданское общество, социальная справедливость, собственность, рациональный выбор и др.

Одна из типологий социального контракта различает два основных вида: вертикальный (по Т. Гоббсу) и горизонтальный (по Дж. Локку). Горизонтальный вариант контракта оказался более предпочтительным для стран Западной Европы, которая выстрадала его в условиях активного противостояния власти и общества и борьбы граждан за свои права. В России, особенно в начале 2000-х гг., наметился уверенный курс на заключение вертикального контракта, суть которого заключается в согласии населения отказаться от части своих прав, нежелании самим решать свою судьбу, а вручить ее государству. Такое происходит не впервые в российской истории, и мы возвращаемся к нашему опыту. Переход к локковскому контракту возможен лишь при активизации гражданского общества, переходе от состояния подданных к состоянию граждан. Здесь встают новые проблемы, связанные с доверием, толерантностью, гражданственностью и т.д. В условиях приоритета силы государства возникает вертикальный договор, в случае приоритета гражданского общества заключается горизонтальный договор как навязывание своих условий сильного слабому. Поэтому переход в России к горизонтальному варианту возможен лишь при развитии гражданского общества.

Пока же государство определяет, какие права предоставить населению: избирать или не избирать губернаторов, какой численности должны быть политические партии, какой должен быть проходной барьер в Государственную Думу, какой должен быть прожиточный минимум и т.д. В обмен на предоставление тех прав, которые посчитает нужным государство, оно предоставляет обществу решить наиболее злободневные социальные проблемы посредством реализации национальных проектов. Общество к такой ситуации относится в большинстве своем положительно, подтверждая свое согласие на вертикальный (гоббсовский) вариант социального контракта.

Как полагает А. Аузан, вертикальный контракт в России возникает по причине неверия человека в возможность разрешения проблемы через действия самих людей без обращения к власти. «Когда вы считаете, что без письма министру внутренних дел и обращения к Президенту Российской Федерации невозможно починить канализацию в доме, у вас в стране будет вертикальный контракт», – резюмирует известный общественный деятель [2, с. 158–159].

Договор, заключаемый российской властью и обществом, имеет в своей основе различные ценностные установки. Если в 1990-е гг. преобладали ценности свободы, в начале 2000-х гг. – стабильности, то для современного договора общества с властью на первый план выходит социальная справед-

ливость, которая в системе национальных ценностей всегда занимала одно из приоритетных мест.

Политическая практика свидетельствует, что признание ценности вовсе не означает ее освоения индивидом как образца для действий или поведения. Так, в России возник феномен ценностного выбора в пользу демократии и рынка без практических последствий. С. Патрушев и А. Хлопин считают, что скептицизм россиян по отношению к новым ценностям и образцам поведения, предполагающим реализацию предоставленных прав и свобод, зачастую влечет их замену проверенными на опыте правилами и привычными способами действия, подкрепляя сомнение в пользу правомерности и пригодности гражданских прав и свобод для утверждения макропорядка, усиливая недоверие к новым институтам [18, с. 100].

Потребность в социальной справедливости возникла из-за неравенства условий в политической, экономической и социально-культурной областях жизни общества, которые дополняются ошибочно просчитанными социальными последствиями принятых законов, оторванностью их от реальной социально-экономической ситуации в обществе, несогласованностью с общественным мнением, культурными традициями, что привело к высокому социальному неравенству в обществе.

Одна из причин глубокого социального неравенства в современной России – большой разрыв в обеспеченности ресурсами у различных слоев населения. Особенно низкий уровень доступа к ресурсам характерен для молодежи, что связано с ограничениями в образовательной и профессиональной сферах. По мнению Н. Тихоновой и Н. Давыдовой, если эта задача не будет осознана как решающая предпосылка борьбы с чрезмерным социальным неравенством, Россия не сможет предотвратить угрозы формирования застойной бедности многих поколений и массовой социальной эксклюзии [27, с. 100].

«Представление о бедности не столько как о недостатке денег, сколько как о недостатке определенного рода возможностей – очень важная установка», – отмечает член Общественной палаты А. Чадаев [30, с. 96]. Принципы социального государства предполагают создание равных возможностей для всех членов общества, проведение социальной политики, признающей за каждым членом право на уровень жизни, необходимый для поддержания здоровья и благосостояния человека и его семьи не только, когда он работает, но и в случае безработицы, болезни, старости, инвалидности.

Несмотря на объявленную властью войну бедности, в современной России значительная часть граждан живет за чертой бедности, причем большинство из них имеют постоянную работу. Исследователи оценивают сегодняшнее состояние России как формального социального государства на уровне первой половины 1920-х гг. [5, с. 13]. К началу XXI в. Россия накопила, по выражению В.Н. Якимца, критическую массу «несправедливых неравенств» [31, с. 114], что

дало толчок развитию социалистической идеи, в значительной степени эгалитарно решающей проблему неравенства.

Социальные проблемы не могут оставаться вне поля зрения наиболее активных субъектов современной России. Так, Русская православная церковь, объединяющая значительную часть общества, заявила о своей позиции проведением XI Всемирного русского народного собора в марте 2007 г. «Богатство и бедность: исторические вызовы России».

Проблему бедности Собор предлагает решать конкретными политико-экономическими средствами с учетом краеугольных ценностей, присущих национальной традиции. Большинству предпринимателей предлагается критически переосмыслить свой образ жизни и свое отношение к народу, вернуть себе авторитет через заботу о простых людях – не только тружениках, но и тех, кто не в состоянии себя обеспечить.

Таким образом, предпринимательская свобода связывается с системой нравственных ценностей, в которой богатство – это результат созидательного труда, а труд – долг перед Богом и людьми. Только при этом условии естественное стремление к материальному достатку уравнивается влиянием духовно-нравственных принципов.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл считает, что у России нет альтернативы модернизации, которая может решить скопившиеся социальные и экономические проблемы общества. Однако история свидетельствует, что только тогда положение реформаторов обретало устойчивость, когда реформы приспособлялись к российской специфике. Тысячелетняя история России сформировала мощный духовно-культурный код нашего народа, который направляет образ жизни отдельного человека и всего общества. Когда игнорируются традиционные ценности и тем более когда пытаются заменить их на другие, происходит отчуждение народа от политики, которая проводит подобный курс. Поэтому, делает вывод священнослужитель, реформы в нашей стране не должны посягать на культурный код России, что означает поиск при проведении модернизации страны ценностных оснований в собственной духовно-культурной традиции [4].

Решить социальные проблемы современного общества призваны различные модели, являющиеся развитием концепции социальной ответственности бизнеса. Это прежде всего концепции корпоративного гражданства и социального гражданства. Суть первой концепции заключается в ориентации корпорации не только на ее работников, но и на местные сообщества, организации гражданского общества, муниципальные власти, на тех, кто различным образом включен в орбиту деятельности данной корпорации, с кем корпорация налаживает конструктивные отношения и учитывает их интересы в своей деятельности. В результате возникает взаимосвязь корпораций и гражданского общества, способствующая сближению бизнеса с обществом.

С.П. Перегудов полагает, что отечественная «бизнес-элита и бизнес в целом открыты для социально ответственного поведения, готовы содействовать решению не только проблемы бедности, но и других социальных проблем, порождающих и усугубляющих ее» [20, с. 37]. Для создания такой атмосферы необходимы законодательные меры, которые способствовали бы перераспределению доходов и богатств в пользу беднейших слоев населения. Эти меры должны сочетаться с созданием такого взаимодействия бизнеса, власти и общества, которое поможет сделать бизнес более цивилизованным и способным на высокую общественную отдачу. Другие российские исследователи акцентируют внимание на том, что накопление человеческого капитала невозможно без колоссального развития нерыночной сферы. Так, Г. Авцинова отмечает важность не только институциональной, но и духовной легитимации предпринимательства, которая во многом зависит от социальной сферы ответственности бизнеса [1, с. 67].

Суть такого подхода можно выразить следующим резюме: разницу в доходах между богатыми и бедными нельзя сокращать за счет одной из сторон. Для эффективного решения данной проблемы необходимо улучшать положение бедных, не снижая доходов богатых, так как в противном случае в значительной степени будут лишены стимулов представители среднего и крупного бизнеса.

Концепция социального гражданства исходит из необходимости урегулирования уровня социального неравенства в обществе, что создает экономическую и социальную основу для устойчивой гражданской солидарности. Эта концепция основывается на социально ориентированной политике демократического государства, которое не допускает противостояния граждан в результате неконтролируемого роста социального неравенства.

Согласно результату исследований ИКСИ РАН, нормальная для россиян разница между бедными и богатыми, определяемая уровнем доходов, составляет 12–13 раз [27, с. 86]. Министр здравоохранения и социального развития России Т. Голикова в мае 2008 г. сообщила, что разрыв между наиболее бедными и наиболее обеспеченными группами населения составляет 22 раза [28, с. 5]. Цифры, которые привел митрополит Кирилл в своем выступлении на Соборе, сопоставимы с информацией министра – с учетом реальных доходов состоятельных граждан децильный коэффициент в России составляет 20–25, в среднем по Европе эта цифра не превышает 6–7, в США – 9 [4].

Несмотря на такую высокую степень дифференциации общества, все большее значение в современной России приобретает тенденция к социальному партнерству, способствующему преодолению неприязни между богатыми и бедными и призванному сменить систему государственного патернализма. Суть социального партнерства состоит в том, что усилия предпринимателей сосредотачиваются на создании эффективных рабочих мест и расширении на

этой основе массовой покупательной способности населения, в результате чего растет жизненный уровень всех слоев населения. По достижениям на этом поприще формируется общественная оценка предпринимателя, определяется мера его жизненного успеха. Не менее важна и обратная связь – возросшая покупательная способность населения формируется для расширения производства и соответствующего роста предпринимательской активности.

Система социального партнерства предполагает также открытость элит, создание условий для вертикальной мобильности. Способной молодежи из разных слоев населения должен быть предоставлен шанс на хорошее образование и продвижение по социальной лестнице. Общество в свою очередь заинтересовано в том, чтобы элита не была закрытой кастой, а постоянно обновлялась за счет талантливых представителей всех слоев населения. Высокая эффективность предпринимательской и трудовой активности позволяет обеспечить достойный уровень жизни людей, которые без их собственной вины (старость, болезни, увечья, сиротство и т. д.) не могут принимать активного участия в процессе общественного производства.

Снизить высокие издержки социального неравенства призваны институты гражданского общества, которые должны иметь возможность контролировать реализацию социальной политики. Политические институты не в состоянии эффективно управлять без опоры на различные слои общества и организации, их представляющие. У современных политиков такое понимание есть. Так, в марте 2008 г. при открытии Института современного развития Д. Медведев заявил, что «власть нуждается в открытом, полноценном, публичном обсуждении всех тех проблем, которые копятся в обществе, которые есть в социальной сфере, в экономике» [12].

Свободное общество может быть построено только в том случае, если в этом заинтересовано большинство. Обязанность государства – создать условия для того, чтобы от свободы выиграло максимально возможное число граждан. Право на свободу имеют не только богатые и сильные, но и бедные и слабые. Последние должны иметь шанс ее получить. Такой подход разделяют большинство современных политиков, которые ориентируются на проведение реформ в интересах всех без исключения граждан России, а не только преуспевающего меньшинства. Цивилизованное распределение национального дохода должно быть таким же приоритетом государственной политики, как и его рост.

Гражданское общество – это общество равных возможностей, основанное на принципах социальной справедливости и социальной солидарности сильных и слабых. Это означает, что важнейшим условием существования свободного общества в России является не только раскрепощение частной инициативы, но и развитая система социальной поддержки. Развитие в данном направлении, по словам российского ученого С. Перегудова, зависит от двух игроков – «госу-

дарства и бизнеса, которые в российских условиях, по сути, определяют и пути развития гражданского общества, и модели его политического участия» [19, с. 146]. На современном этапе оба игрока заявляют о своей заинтересованности в развитии гражданского общества.

Социально-экономическое развитие способствует увеличению числа активных образованных граждан, пополняющих ряды гражданского общества, критично воспринимающего издержки власти. Формирующиеся институты становятся симбиозом уже укоренившихся в стране западных демократических ценностей, с одной стороны, и традиционного отношения к политической жизни – с другой.

Демократические институты, уже сложившиеся в России, оставляют шанс на снижение авторитарной составляющей в политическом режиме. По мнению В. Петухова, при всем своем несовершенстве демократические институты в России «выступают противовесом окончательной узурпации власти олигархами и бюрократией» [21, с. 144]. Прежде всего, в стране созданы институты гражданского общества – политические партии, общественные объединения, основанные на самоорганизации людей. И пусть эти институты еще слабы и нуждаются в укреплении, но они уже сейчас оказывают свое влияние на власть, которая не может не считаться с их мнением, что служит основой как дальнейшей демократизации общества, так и легитимации власти.

В современной России создаются переговорные институты, основанные на трехсторонних переговорах государства, организаций гражданского общества, отстаивающих интересы наемных работников, и бизнеса. Эти некорпоративные институты действенны при усилении организаций гражданского общества и не допускают излишней политизации переговорного процесса.

В стране функционируют институты информации, которые уже не могут быть полностью монополизированы властью, так как современные средства коммуникации невозможно полностью проконтролировать и цензурировать. Сформировался и показал свою состоятельность институт выборов как форма контроля за действиями политической элиты и школа гражданской ответственности, формирования культуры гражданственности.

Демократическая институционализация создает политические возможности для перехода на инновационный путь. Однако инновационное развитие не может не сочетаться с социальным государством, так как в основе своей связано с развитием человека. «Сбережение народа» возможно лишь при демократии. Власти крайне важно в сложившейся ситуации еще в большей степени доказать обществу свой утилитарный характер, чтобы не растерять доверие и осуществить намеченную модернизацию.

В заключение необходимо отметить, что социальное развитие России состоит в принятии обществом не только новых социально-экономических усло-

вий или формы политического устройства, но и нового типа социокультурного развития, способствующего эффективному решению современных проблем, и адаптации общества к динамично развивающемуся миру. Инновации в политической жизни невозможны, если они не будут восприняты населением. Общество отвечает на действия властей либо безмолвным молчанием, характерным для подданнической культуры, либо активным заинтересованным воздействием на властные структуры. Для решения амбициозных задач, заявленных властью, возможен только второй вариант.

Библиографический список

1. Авцинова Г.И. Анализ проблем социальной политики России // Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика. М., 2007.
2. Аузан А.А. Три публичные лекции о гражданском обществе. М., 2006.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
4. Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на XI Всемирном русском народном соборе. URL: http://www.vrns.ru/11_vrns/11_vrns_mitr_kirill_otkr.htm
5. Зорькин В. Стандарт справедливости // Российская газета. 2007. 8 июня.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.2084.ru/content/publications/castels_inform.zip
7. Кертман Г.А. Государственный патернализм как мера власти и политики // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006.
8. Коваленко В.И. Проблемы трансформирующейся демократии в условиях новых вызовов // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 2.
9. Коргунюк Ю.Г. Бесконечно долгий левый дрейф. Российская партийная система зимой 2006/2007 г. // Политика. Зима 2006–2007. № 4 (43).
10. Красин Ю.А. Неравенство в политическом измерении // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике. М., 2005.
11. Красин Ю.А. Публичная политика: либеральная и коммунитарная составляющие // Дифференциация российского общества в зеркале публичной политики / под ред. Ю.А. Красина. М., 2004.
12. Медведев Д. Власть сегодня не нуждается в комплиментах. URL: <http://www.a-news.ru/news/detail.php?ID=157623>
13. Межуев Б. «Российское государство может быть лишь сочетанием идеократии и демократии». URL: <http://liberal-1.hosting.parking.ru/sitan.asp?Num=604>
14. Мюллер Дж. Капитализм, демократия и удобная бакалейная лавка Ральфа: Пер. с англ. М., 2006.
15. Паин Э. «Устойчивое развитие России может гарантировать только ее народ, овладевший государством и превративший его в орудие реализации общественных интересов» // URL: <http://liberal-1.hosting.parking.ru/sitan.asp?Num=625>

16. Пантин И.К. Драма противостояния демократия / либерализм в старой и новой России // Полис. 1994. № 3.
17. Пантин И.К. Судьбы демократии в России. М., 2004.
18. Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Власть и народ в России: обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006.
19. Перегудов С.П. Гражданское общество как субъект публичной политики // Полис. 2006. № 2.
20. Перегудов С.П. Социальная исключенность и «ответственный» бизнес // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике. М., 2005.
21. Петухов В.В. Демократия участия и политическая трансформация России. М.: Academia, 2007.
22. Рагги Дж. Территориальная структура в конце тысячелетия. URL: http://wpp.philos.msu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=75
23. Сартори Д. Размышления о демократии: негодное государство и негодная политика // Международный журнал социальных наук. 1991. № 2.
24. Сересова У.И. Социальная политика: социальная справедливость vs легитимация политической власти // Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика. М., 2007.
25. Социальное неравенство и публичная политика / Ред. кол.: В.А. Медведев (отв. ред.), А.К. Горшков, Ю.А. Красин. М., 2007.
26. Тилли Ч. Демократия. М., 2007.
27. Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М. Социальное неравенство в России: субъективный аспект // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике. М., 2005.
28. Факты – упрямая вещь // Аргументы и факты. 2008. № 18.
29. Холмс С. Чему Россия учит нас теперь? Как слабость государства угрожает свободе // Pro et Contra. 1997. № 4.
30. Чадаев А. Путин. Его идеология. М., 2006.
31. Якимец В.Н. О переформировании подхода к социальной справедливости в России // «Актуальные левые» в международном и российском политическом контексте: Сб. ст. / под ред. А.В. Сморгунова. СПб., 2007.